

Театръ и музыка.

Русскій театръ. „П е ш а“, п ъ е с а Ю р і я Б ѣ л я е в а. Юрій Бѣляевъ почти пересталъ за послѣдніе годы писать „о театрѣ“ и сталъ вѣ�къ этому писать „для театра“. Но когда рецензіи этого талантливаго критика появлялись сначала въ „Театръ и Искусствѣ“, а затѣмъ въ газетѣ „Новое Время“, онѣ обращали на себя вниманіе удивительнымъ чувствомъ ритма, который придавалъ имъ стиль стихотвореній въ прозѣ.

Такимъ же утонченнымъ, какъ форма, было и содержаніе статей Юрія Бѣляева. Въ нихъ не пламенѣли восторгъ и возмущеніе, какъ нѣкогда у „немцоваго Виссаріона“. Юрій Бѣляевъ чувствовалъ и передавалъ лирику театра, изящными штрихами рисовалъ силуэты, въ которыхъ открывалъ утонченную, сложную душу современности.

Образъ „Чайки“ — Коммиссаржевской, принесшей намъ загадочную печаль на раненныхъ крыльяхъ, Юріемъ Бѣляевымъ былъ прочувствованъ такъ, что силуэтъ артистки запечатлѣлся въ такихъ же очертаніяхъ на вѣки и въ нашей душѣ.

Не системой сложныхъ доказательствъ и обоснованій бралъ въ плѣнъ своего читателя Юрій Бѣляевъ. Онъ создавалъ незамѣтно такую атмосферу, въ которой воображенію было легко и просторно, а чувство являлось лучшимъ и вѣрнымъ проводникомъ на путяхъ искусства.

Утонченность вкуса и ощущеній — таковъ былъ всегда Юрій Бѣляевъ. Такимъ онъ пришелъ и въ качествѣ писателя для сцены, въ той области, которая интересуется его больше всего — въ области старины.

Представьте себѣ, что вы открыли старинную шкатулку вашей бабушки, и оттуда пахнуло на васъ неумовимымъ ароматомъ засохшихъ цвѣтовъ, истлѣвшихъ ленточекъ, пожелтѣвшихъ писемъ. Вы берете эти письма, вы читаете бисерныя строчки ровныхъ, замысловатыхъ въ своей живописи буквъ... и передъ вами встаютъ одна за другой картины былого... Года затушевали все рѣзкое, грубое, все жестокое подлинной жизни... Очищенная временемъ, встаетъ передъ вами воскресшая старина, въ благоуханіи поэзіи... Крики и стоны и надрывныя жалобы закрѣпощенныхъ людей, все превратилось уже, покрытое дымкой времени, въ мелодію нѣжную, задумчивую и тихую... Такъ все проходитъ; остается лишь душа, которая, „какъ весенняя бабочка, вьется надъ засохшими цвѣтами“...

Таковы пьесы Юрія Бѣляева, такова и „Пеша“, продиктованная писателю его любовью къ театру и русской актрисѣ. — Нашимъ первымъ актрисамъ, крѣпостнымъ Дидонамъ, Андромахамъ и Федрамъ, оброчнымъ Лекувреръ и гаремнымъ Камарго... и нынѣшней свободной актрисѣ посвящаетъ авторъ свою новую пьесу „Пеша“.

Всю пламенную любовь къ театру крѣпостной актрисы, поруганной, униженной, истерзанной, Юрій Бѣляевъ символизируетъ въ лицѣ бывшей актрисы Сорокодумовой. Это образъ трагическій и даже, если хотите, грандіозный.

Какъ умирающій отъ жажды гревить о капль воды, такъ Сорокодумова, у которой отняты уже всѣ волшебныя переживанія сцены, все еще не можетъ уйти отъ чарующихъ сновидѣній. Они преслѣдуютъ ее... весь міръ для нея до сихъ поръ въ звукахъ и трагическихъ образахъ, нѣкогда олицетворявшихся ею. Отъ этого несоотвѣтствія между дѣйствительностью рабы и жизнью царицы въ мечтахъ — Сорокодумова уходитъ въ могилу. А съ ней уходитъ и актриса — раба.

Пеша уже свободна; вѣяніе свободы носится уже въ воздухѣ, и хотя годы еще пройдутъ въ формальномъ рабствѣ, но цѣпи этого рабства для актера уже не столь безпощадны. Такъ звучитъ пьеса Ю. Бѣляева.

И большой недостатокъ исполненія на нашей сценѣ „Пешы“ заключался въ томъ, что г-жа Волжская играла Сорокодумову ничтожной старушкой, съ припадками такого же ничтожнаго безумія.

Вообще говоря, пьеса прошла вчера въ неправильномъ освѣщеніи. И сама Пеша въ исполненія г-жи Васильчиковой, хотя, конечно, была очаровательна и граціозна, но той „русской“ подкладки всего образа, той искренности и глубины чувства, той смѣси виѣшней „куртуазы“ и внутренней примитивности, которая неразлучна съ Пешей, — мы не видѣли.

Порхала передъ нами артистка — французженка, у которой такъ много блеска и такъ мало причинъ для горестныхъ переживаній.

Вполнѣ вѣрные очертанія были у г-жи Струковой — Стеганиды и г-на Савельева — помѣщика Калугина. Нѣсколько сухъ только тонъ у г-на Савельева: просторнѣе и шире могъ бы проявляться барскій характеръ Калугина. — Совсѣмъ не на мѣстѣ въ роли энтузіаста и приверженца Радищева, Незнаева, г. Анисимовъ.

Г. Бецкій легко и красиво изображаетъ танцора Плетня. А мимодрама и танцы, поставленные г. Яковлевымъ, наводятъ на размышленія, не слѣдуетъ ли дирекціи нашего театра записаться заблаговременно театрами „въ Европѣ“ для гастролей нашего балета.

Г. Строгановъ играетъ Турку. Не берусь судить: неопредѣленный ли это образъ у автора, или г. Строгановъ играетъ его сбивчиво.

Поставлена пьеса старательно, но декорация второго акта „ахъ, какъ пестра!“ И чего тутъ только нѣтъ! Да и четвертый актъ такъ освѣтилъ деревья, что никакъ названія для этого свѣта не придумаешь. Занятно и загадочно.